

<http://www.politstudies.ru/fulltext/2007/2/4.htm>

<http://www.mgimo.ru/files/15754/15754.pdf>

В.М. Сергеев, А.С. Кузьмин, Е.С. Алексеенкова, А.А. Казанцев

Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей

Сергеев Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра глобальных проблем МГИМО(У) МИД РФ;
Кузьмин Алексей Сергеевич, профессор Национального института – Высшей школы управления, главный консультант Apex Консалтинг;
Алексеенкова Елена Сергеевна, студентка РГГУ;
Казанцев Андрей Анатольевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра евроатлантической безопасности МГИМО(У) МИД РФ..

Для многих регионов мира характерно наличие двух почти равнозначных “столичных” городов-мегаполисов, являющихся по-разному – но почти в равной мере – центрами притяжения социальных сетей креативности, власти, влияния. Таковы Гаага и Амстердам, Вашингтон и Нью-Йорк, Москва и Санкт-Петербург. Динамика взаимодействия между социальными сетями в этих городах-аттракторах в значительной мере определяет политическое развитие не только этой системы мегаполисов, но и объемлющей их политики.

Настоящая статья посвящена анализу Москвы и Петербурга как центров притяжения социальных сетей с пространства Европейской России, а также глобальных центров инновационного экономического роста.

История Москвы и Санкт-Петербурга как региональных “ворот” и “квазिवорот”

История Москвы общеизвестна. Возникнув в конце XI – начале XII в. [1], Москва как столичный город Московского (великого) княжества постепенно становится политическим центром Северо-Восточной Руси, резиденцией русских митрополитов, а затем и столицей Московского царства. Решающие успехи в создании централизованного государства с центром в Москве были сделаны в правление Ивана III (1462 – 1505) и Василия III (1505 – 1533) [Ключевский 1993].

Со временем Москва, жестко подавлявшая своих конкурентов (разгром и разграбление Твери, Новгорода и Пскова), превратилась в крупнейший город на подвластной ей территории, место, где концентрировались основные ресурсы государства [Забелин 1995], что способствовало притяжению к ней торговых сетей доверия. Однако в силу особенностей политической системы Московской Руси, представлявшей собой государство с необычайно развитыми вертикальными и искусственно ограниченными горизонтальными

связями [Эйзенштадт 1999: 173-177], эти сети находились в очень высокой зависимости от сетей власти. Таким образом, Москва была в тот период классическими “квазिवоротами”, собиравшими ресурсы подконтрольной им территории и открывавшими доступ только к этой территории [2].

Преобразование Московского царства в Российскую империю сопровождалось и переносом столицы. В 1712 г. столицей России стал Санкт-Петербург, сюда переехал двор, позднее Сенат и другие высшие учреждения [Овсянников 1997]. В то же время Москва сохранила за собой некоторые столичные функции, оставшись “первопрестольной”, местом коронации российских государей. Существенно также, что ее продолжали считать естественным географическим центром (“сердцем”, по выражению Наполеона) страны, в отличие от вынесенного на Запад Петербурга, и она по-прежнему выступала тем ядром, вокруг которого концентрировалась социальная и экономическая жизнь Центральной России.

На рубеже XIX – XX в. Москва, будучи лишь вторым по численности населения (свыше 1 млн. чел.) городом Российской империи (после столицы) и одним из четырех существующих в ней “центров” концентрации экономических сетей доверия и экономического роста (наряду с Санкт-Петербургом, Одессой и Варшавой), фактически оказалась главным экономическим центром страны. Превращение Москвы в основной экономический центр империи при практически полном доминировании Петербурга как центра административно-политического было, на наш взгляд, обусловлено следующими факторами:

– более низким, нежели в столице, прямым административно-властным воздействием на элитные сети креативности (политически ангажированная публичная деятельность в дореволюционной России – в меру существования там публичности – была прерогативой скорее Москвы, нежели Петербурга; именно в Москве формируются и российское западничество, и российское славянофильство, и российский социализм, и российский анархизм, и российский кадетский либерализм: все они по большому счету – продукт московского образования и сетевого общения);

– относительной лояльностью, на фоне петербургских притеснений, к старообрядческому, иноверческому и иноподданническому предпринимательским сетям обмена;

– оптимальным, по сравнению с тремя другими городами-аттракторами, расположением в центре дорожной, а впоследствии и железнодорожной сети, охватывавшей не только европейскую, но и, благодаря Транссибу, азиатскую часть империи.

Конstellация всех этих факторов привела к тому, что к началу XX в. Москва во многом утратила “квазिवоротные” черты, став настоящими региональными “воротами” (в отличие от Санкт-Петербурга, выступавшего в роли региональных “квазिवорот”).

С возвращением Москве столичного статуса (1918 г.) вектор эволюции города резко изменился. Суперцентрализованный характер советского государства при чрезвычайно низком уровне развития переговорных практик

обеспечил концентрацию в столице различных видов ресурсов, причем не только экономических. Роль Москвы как транспортного, коммуникационного, образовательного и научного центра росла. Но хотя многие функции Москвы (в области образования, науки, международных коммуникаций и т.д.) имели действительно глобальное значение, вследствие господства командной экономики и слабого развития торговли степень участия концентрировавшихся в ней сетей обмена в мировом разделении труда была очень невелика. Международная деятельность Москвы (например, в сфере образования) мотивировалась не столько экономическими, сколько политическими факторами. В этой ситуации едва ли приходится удивляться тому, что Москва вновь оказалась на положении “квизворот”. Ранняя фаза глобализации (с рубежа 1950-х годов) практически не затронула город, отделенный от мира, как и Советский Союз в целом, “железным занавесом”.

Следствием полной зависимости экономики от сосредоточенных в столице сетей власти стала не только “квизворотность” Москвы, но и постепенная деградация Ленинграда как “ворот”. По крайней мере до рубежа 1950-х – 1960-х годов Ленинград выступал одним из важнейших в стране научно-образовательных и инновационных центров. Более того, именно в нем, а никак не в Москве, концентрировались альтернативные элитные сети публично-политической креативности (будь то при Зиновьеве, Кирове или Вознесенском). Однако многократные разгромы этих сетей и активное проникновение в административную элиту города сельских выходцев (при утрате обескровленными в блокаду питерскими сетями своего ассимиляционного потенциала) привели к резкому усилению в 1970-е годы идеологического давления, спровоцировавшему массовую эмиграцию этих сетей в Москву и/или за рубеж.

С началом перехода к рыночной экономике преобладание Москвы над другими городами России еще больше возросло. Без “особых связей” в центральном правительстве, определявшем контуры будущего рынка и состав его ключевых игроков, было невозможно ни принять участие в приватизации, ни создать крупную корпорацию [Волков 1999а: 44-59]. Каким компаниям будут предоставлены экспортные квоты, кто будет допущен к рынку ГКО, через какие банки пойдут государственные средства и т.д., зависело от московских чиновников. В условиях криминализации 1990-х годов принципиально важными становились и контакты с руководством силовых структур [Волков 1998, 1999б, 2002; Радаев 1998, 1999, 2002]. Именно эти (и аналогичные им) факторы стимулировали и продолжают стимулировать притяжение к столице экономических сетей доверия. Тот факт, что сегодня в Москве расположены штаб-квартиры всех крупных компаний, работающих на российском рынке, есть следствие концентрации в ней сетей власти. Несмотря на то что за последние 20 лет участие России в международном разделении труда существенно расширилось, Москва, как мы постараемся показать ниже, пока остается лишь “глобальными квизворотами”.

Москва как “глобальные квизворота”

Современная Москва вполне соответствует критериям крупного международного торгово-экономического, финансового, научно-инновационного и транспортного центра. Однако эти критерии фиксируют лишь потенциал мегаполиса как возможных “ворот” [Лебедева, Сергеев

2004/2005]. Реализуется ли этот потенциал, зависит от взаимодействия социальных сетей мегаполиса как между собой, так и с социальными сетями ведущих глобальных центров экономического развития.

На успешность такого взаимодействия влияет не только плотность контактов и конфигурация социальных сетей, но и уровень социального доверия. При низком социальном доверии даже весьма плотные, хорошо сконфигурированные и концентрирующиеся в одной точке социальные сети не дадут того синергетического эффекта, который необходим для превращения мегаполиса в “ворота в глобальный мир” [Ясин и др. 2006]. Отсутствие доверия в обществе может помешать реализации мегаполисом многих из обязательных для “ворот” функций, в частности, функции центра кредита (поскольку процентные ставки устанавливаются с учетом вероятности невозвращения кредита, они окажутся непомерно высокими).

Атмосфера социального доверия определяется не только институциональным дизайном, но и повседневными практиками взаимодействия между основными ветвями власти, экономическими субъектами и населением. Коррупционность госаппарата, неэффективное выполнение им своих функций препятствуют возникновению устойчивого доверия между обществом и властью.

Именно такая ситуация наблюдается сегодня в России. Более того, есть основания утверждать, что с точки зрения распространения коррупции Москва превосходит другие регионы страны. Так, по данным Фонда “Общественное мнение”, за период с октября 2002 по октябрь 2003 г. взятки пришлось давать 25% москвичей (при 11% в среднем по стране) [Кертман 2006: 34].

Общий кризис доверия, сопровождавший переход к рыночной экономике [Sergeyev 1998; Гриффитс, Сергеев 2003], пока не преодолен. Имеющиеся подвижки в этой сфере пока касаются главным образом отношений с внешним миром. Экспертное сообщество Москвы пользуется высоким доверием в международных научных кругах, российские политические элиты все в большей мере интегрируются в мировую политическую элиту, а руководители крупнейших российских корпораций уже стали частью глобальной экономики. Однако в самом российском обществе степень социального доверия очень невысока. Крайне низким остается и доверие к государству [см. Колесников 2006], в т.ч. среди представителей бизнеса [Литовченко и др. 2005].

Помимо высокого уровня социального доверия, для формирования “глобальных ворот” необходимо, чтобы экономика была независима от политики, а экономические сети – от сетей власти. В противном случае резко возрастают транзакционные издержки экономической деятельности. Это правило в современной Москве тоже не соблюдается. Напротив, политико-административный контроль государства над экономикой продолжает расти.

Исходя из приведенных соображений, правомерно предположить, что сегодняшняя Москва не могла стать “глобальными воротами”. Посмотрим, так ли это на самом деле.

Москва, несомненно, представляет собой один из крупнейших в мире транспортных узлов (и самый крупный на территории от Будапешта и Праги до Владивостока и Ташкента). На роль основного транспортного узла в Северной Евразии она выдвинулась еще во времена Российской империи, став ядром разветвленной железнодорожной и дорожной сети. В советские годы благодаря активному строительству шоссежных дорог (в

т.ч. стратегического назначения), радикальному расширению железнодорожной сети, а также созданию мощного аэродромного узла, в который входят такие крупные международные аэропорты, как Шереметьево, Внуково и Домодедово (см. табл. 1 Приложения), значение Москвы как транспортного узла еще больше возросло.

Следует, однако, отметить, что сегодня Москва контролирует перевозки преимущественно внутри самой России. В отличие от настоящих “глобальных ворот” (вроде Амстердама, Сингапура и т.д.), она не стала центром транзитных перевозок не только мирового, но даже континентального (в пределах Евразии) уровня. Более того, по сравнению с советским периодом, роль российской транспортной системы в транзите между Западной Европой и Восточной Азией даже уменьшилась. Постепенно сокращается и роль Москвы в транзите грузов для республик бывшего СССР.

В настоящее время Москва является крупнейшим центром связи, а также теле- и радиовещания. Наличие двух национальных систем волоконно-оптической связи, развитые технологии космической связи, возможность расширения национальной спутниковой системы, высокая квалификация отечественных специалистов и их концентрация в Москве позволяют рассматривать российскую столицу как один из глобальных коммуникационных узлов. Но теле- и радиовещание из Москвы ведется в основном на Россию и – в меньшей степени – на страны СНГ (за пределами бывшего СССР аудитория московских электронных СМИ по сути дела сводится к русскоязычным эмигрантам). В Москве нет телекомпаний, сопоставимой по охвату с BBC, CNN или “Аль-Джазирой”.

Хотя в Москве сосредоточено 80% банковского капитала России, как финансовый центр она существенно уступает основным европейским “воротам” – Лондону, Франкфурту, Амстердаму (см. табл. 2 Приложения). В силу особенностей российской финансовой системы в Москве отсутствуют отделения ведущих мировых банков, а крупнейший российский банк – ВТБ – по уровню капитализации не может конкурировать даже со средними мировыми финансовыми корпорациями. Расположенные в Москве банки кредитуют главным образом российскую экономику и, в отличие от банков, концентрирующихся в настоящих “воротах”, не имеют подлинно глобальных интересов.

Российские рынки ценных бумаг настолько отстают от мировых, что главным механизмом публичного котирования российских компаний становится их выход на биржи Лондона и Нью-Йорка. По интенсивности биржевой активности Москве пока не удалось выйти даже на уровень центра второго порядка (см. табл. 3 Приложения). И хотя темпы роста и технологическая оснащенность российского финансового рынка позволяют надеяться, что в течение 5-7 лет Москва сможет сравняться с Амстердамом и

Миланом, даже в самых смелых фантазиях трудно представить, что на московских биржах будут котироваться бумаги нероссийских компаний, т.е. что она превратится в действительно глобальный биржевой центр.

Роль Москвы как глобального научно-инновационного центра гораздо выше, чем ее роль как транспортного узла и центра концентрации финансового капитала. По данным переписи 2002 г., среди работающих в Москве 43% имеют высшее образование. Между тем даже в таких крупных вузовских центрах, как Томская, Новосибирская, Ростовская, Самарская и Воронежская области, соответствующий показатель не превышает 27-30% (http://atlas.socpol.ru/overviews/social_sphere/index.shtml#education).

Москва с ее сотнями вузов, среди которых есть и признанные мировые лидеры, остается одним из крупнейших в мире образовательных центров. Однако накопленный в советские годы экспортный потенциал “московского образования” в значительной мере утрачен. Тому виной и резкое сокращение политической активности в странах “третьего мира”, и экономические трудности вузов, и всплеск национализма и расовой неприязни. В результате, несмотря на высокие количественные показатели (см. табл. 1), Москва постепенно превращается в образовательный центр не глобального, а только национального масштаба.

Таблица 1 Москва и Санкт-Петербург как образовательные центры

Регион	Численность студентов на 10 тыс. жителей (2002 – 2003 уч. год)	Темпы роста численности студентов (1995 – 2004 гг.)	Доля учащихся негосударственных вузов (в %)
Москва	1082	2,2	31
Санкт-Петербург	912	1,9	16
РФ	448	2,3	13

Негативные последствия экономических реформ 1990-х годов продолжают сказываться и на кадровом потенциале, и на текущей деятельности большинства московских образовательных учреждений. Тем не менее количество студентов в Москве продолжает увеличиваться. Растет и число вузов. Это позволяет надеяться на то, что общий экономический рост в России и осмысленная образовательная политика вернут Москве по праву причитающееся ей место в мировой системе образовательных центров.

По уровню развития науки московский регион продолжает сохранять достаточно серьезные позиции в сравнении с другими крупнейшими городскими агломерациями. В 1998 г. Москва занимала 6-е место в рейтинге научных центров мира, опережая Нью-Йорк и Лос-Анджелес (см. табл. 4 Приложения). И хотя наметилась тенденция к снижению научного веса российской столицы (8-е место в 2001 г., 11-е – в 2004 г.), этот процесс пока не приобрел необратимого характера.

Несмотря на известные всем недостатки отечественной системы социально-гуманитарного и экономического знания, качество российской экспертизы в сфере международных отношений, политической идеологии и регионального развития остается на уровне лучших мировых центров. При

этом быстро растет уровень экспертизы в области финансов и экономики. Показательно, что именно в Москве сосредоточены исследовательские центры, обслуживающие операции крупнейших инвестиционных компаний на развивающихся рынках.

Москва была и остается ведущим российским центром кинематографии. Конечно, она существенно уступает Голливуду, “Болливуду” и Парижу, однако по количественным параметрам вполне может соперничать с другими крупными мегаполисами. Является она и центром относительно недавно возникшей российской массовой культуры (правда, “продукция” этой культуры почти не пользуется спросом за пределами постсоветского пространства), а также одной из мировых столиц высокой моды и prkt-a-porter.

За последние 15 лет Москва достигла необходимого для “ворот в глобальный мир” уровня развития индустрии гостеприимства high-end, представленной отелями категории пять звезд и выше, входящими в мировые сети, почти сравнявшись в этом плане с Амстердамом и Миланом.

Значительно отставая по “командной силе” (количеству штаб-квартир ведущих транснациональных корпораций) от Лондона и Франкфурта, Амстердама и Милана, Москва относится к числу мировых лидеров по “сетевой силе” (количеству офисов ведущих транснациональных корпораций), уступая по этому показателю только Нью-Йорку (см. табл. 5 Приложения). Учитывая стремительную транснационализацию ведущих российских корпораций, можно ожидать, что в среднесрочной перспективе недостаточность “командной силы” Москвы будет снижаться. В то же время имеющие свои офисы в Москве международные компании пока совершают операции прежде всего на самом российском рынке (гораздо реже – на рынках стран СНГ).

Таким образом, приходится констатировать, что, несмотря на наличие необходимой для образования “глобальных ворот” инфраструктуры, Москва остается центром транзакционной экономики преимущественно для политически контролируемого ею пространства, т.е. “квазиворотами”. Без усиления доверия в обществе, развития демократии, повышения качества управления, снижения коррупции и уменьшения государственного контроля над экономикой российская столица едва ли сможет реализовать имеющийся у нее потенциал и превратиться в настоящие “ворота в глобальный мир”.

Санкт-Петербург как потенциальные “ворота в глобальный мир”

Благодаря бурному развитию в 2000-е годы Санкт-Петербург, практически полностью утративший в советский период и первые постсоветские годы статус “ворот” (или “квазиворот”), превратился в настоящее время во вполне сформировавшиеся региональные “квазиворота”. В пользу такого заключения свидетельствует, в частности, тот факт, что Новгородская область по своим экономическим и иным связям сегодня тяготеет не столько к Москве, сколько к Санкт-Петербургу. Важную роль в утверждении города как “квазиворот” второго уровня сыграло резкое усиление влияния местных сетей власти вследствие выдвижения выходцев из Петербурга на ведущие позиции во властных сетях страны.

Как инновационный, научно-образовательный и экспертный центр Санкт-Петербург входит сейчас в тридцатку ведущих мегаполисов мира. С точки зрения развития человеческого потенциала он полностью соответствует уровню, характерному для стран ОЭСР. Нужно также отметить, что в качестве культурной столицы Петербург может конкурировать с любыми “глобальными воротами”, а индустрия гостеприимства в городе на Неве в основном не уступает московской. Все это позволяет предположить, что с углублением уже наметившейся интеграции экономики и элит двух “столиц” Петербург может эволюционировать в полноценную часть единых широких “ворот” (“квазиворот”), охватывающих оба мегаполиса.

Реализации Петербургом своего потенциала как “ворот” (“квазиворот”) второго уровня и возможной “створки” широких “ворот в глобальный мир” препятствуют два основных фактора. Первый из них – недоразвитость финансовой инфраструктуры (см. рис. 1). Среди крупнейших российских банков нет ни одного питерского; более того, совокупный капитал всех питерских банков заметно ниже капитала одного ВТБ или таких финансовых групп, как “Альфа”, “Росбанк”, “Уралсиб”. Петербургские биржевые площадки, возникшие одновременно с московскими, сегодня выглядят в лучшем случае жалкой копией последних. Вместе с тем создание в Петербурге главной российской биржевой площадки по торговле энергоносителями и предполагаемый перенос ВТБ из Москвы в Петербург могут радикально изменить ситуацию.

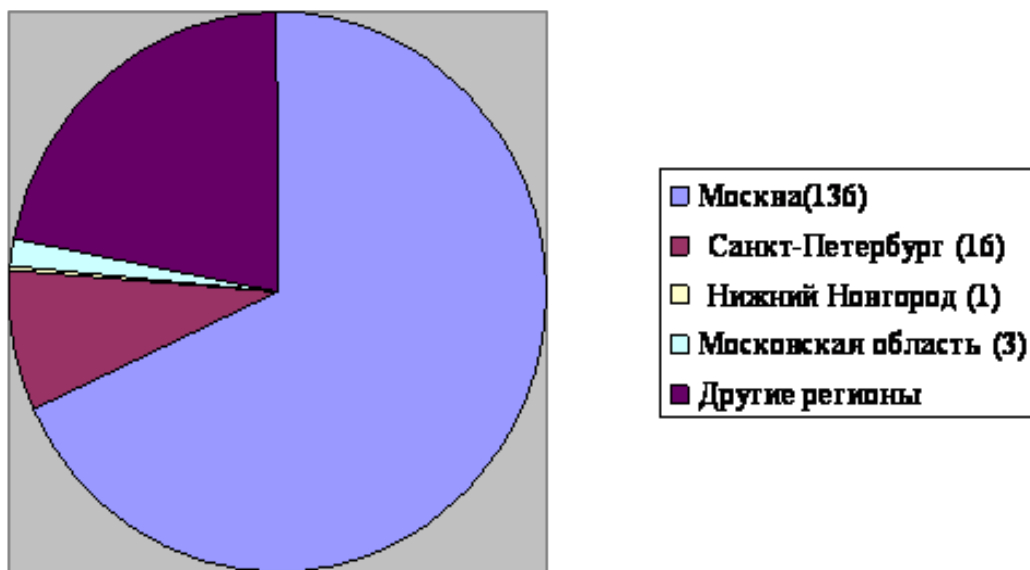

Рис. 1. 200 крупнейших (по “величине активов”) банков России

Второй важный фактор – ограниченность транспортной инфраструктуры. И дело здесь не только в отсутствии транспортной инфраструктуры, которая могла бы связать Москву и Санкт-Петербург в единый супермегаполис, но и в том, что по отношению к внутрироссийским магистралям город на Неве фактически оказался тупиком: основные транспортные магистрали из Санкт-Петербурга в Европу проходят по недружественно настроенным по

отношению к России странам Балтии, а интеграция РФ со скандинавским треугольником Хельсинки – Стокгольм – Копенгаген настолько уступает интеграции по оси Москва – Берлин – Париж, что Петербург почти утратил свои функции “окна в Европу”. Даже по критерию авиасообщения “окном в Европу” (и в мир) сейчас выступает скорее Москва, нежели Санкт-Петербург: пассажиропоток аэропорта Пулково на сегодняшний день сравнялся лишь с пассажиропотоком Внуково (см. табл. 2).

Таблица 2

Пассажиропотоки аэропортов Москвы и Санкт-Петербурга

Аэропорт	Пассажиропоток в I квартале 2006 г. Млн.чел.
«Домодедово»	2749
«Шереметьево»	2448
«Внуково»	783,2
«Пулково»	785,4

Существенным препятствием на пути формирования оси Москва – Санкт-Петербург как широких “ворот” является также крайне низкий уровень развития Тверской области – находясь в последней десятке регионов страны по индексу развития человеческого потенциала, этот регион оказывается не мостом между Москвой и Питером, а “колдобинной” в путешествии из Петербурга в Москву.

Тем не менее при создании соответствующей транспортной инфраструктуры “смыкание” Москвы и Санкт-Петербурга как двух частей российских “ворот/квазिवорот в глобальный мир” вполне возможно. И если по ходу своего политического и экономического развития России удастся преодолеть дефицит доверия в обществе, повысить значимость переговорных практик и качество управления, добиться снижения коррупции и уменьшения государственного контроля над экономикой, ось Москва – Санкт-Петербург уже в первой половине XXI в. может превратиться в полноценные “ворота в глобальный мир”.

* * *

Таким образом, мы выяснили, что превращение Москвы в “квазिवорота” как место концентрации торговых сетей доверия, притягивающихся к сетям власти, началось еще во времена Московского царства. В эпоху Российской империи Москва, утратившая многие “квазिवоротные” черты, стала трансформироваться в “ворота” второго уровня, уступив статус “квазिवорот” Санкт-Петербургу. Новое усиление Москвы как действительно глобальных “квазिवорот” приходится на советский период, когда в силу особенностей сложившейся в СССР политико-экономической системы она оказалась точкой сосредоточения ресурсов всей страны. С началом рыночных реформ, сопровождавшихся резким расширением “административного рынка”, на котором политические решения обменивались на ресурсы заинтересованных субъектов, “квазिवоротность” Москвы еще больше возросла.

Анализ развития Москвы как транспортного, коммуникационного, финансового, научно-инновационного и культурного центра показывает, что по своим инфраструктурным параметрам и статистическим характеристикам российская столица находится на уровне многих “глобальных ворот”. Однако ее эволюция в “нормальные ворота” сдерживается низким уровнем доверия в обществе и сильным политико-административным контролем над экономикой страны. В результате Москва является центром концентрации сетей прежде всего для политически контролируемого ею пространства (а также, остаточно, для ранее контролировавшихся пространств – в частности, для стран СНГ), а не для мира в целом.

В то же время наличие развитой инфраструктуры и соответствующих сетевых конфигураций в принципе позволяет Москве, при условии изменения политической системы России и возрастания в ней общественного доверия, превратиться в настоящие “ворота в глобальный мир”. Вполне реальным представляется также создание сверхагломерации по линии Москва – Санкт-Петербург. В дальнейшем эта сверхагломерация может продлиться на восток до Нижнего Новгорода, хотя вероятность такого развития событий в первой половине XXI в. не очень высока.

Волков В. 1998. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского общества. – Полис, № 5.

Волков В. 1999а. Политэкономия насилия, экономический рост и консолидация государства. – Вопросы экономики, №10.

Волков В. 1999б. Силовое предпринимательство в современной России. – Социс, № 1.

Волков В. 2002. Силовое предпринимательство. СПб, М.

Гриффитс Р.Т., Сергеев В.М. 2003. Экономическая реконструкция: сопоставление послевоенной Европы и постсоветской России. М.

Забелин И.Е. 1995. История города Москвы. М.

Кертман Г.Л. 2006. Московские аномалии: экскурсия по “Теорейтингу”. – Полис, № 6.

Ключевский В.О. 1993. Русская история. М.

Колесников А. 2006. Товарищество на недоверии. – Gazeta.ru, 19.09.

Лебедева М.М., Сергеев В.М. 2004/2005. Мегалополис как актор мировой политики. – Космополис, № 4.

Литовченко С., Дынин А., Рушайло П. Индекс деловой активности: Капитальный просчет. – www.sprb.amr.ru/doc2082.html.

Овсянников Ю.М. 1997. Три века Санкт-Петербурга. М.

Радаев В. 1998. О роли насилия в российских деловых отношениях. – Вопросы экономики, №10.

Радаев В. 1999. Теневая экономика в России: изменение контуров. – Pro et contra, т. 4, № 4.

Радаев В. 2002. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике. – Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.

Сергеев В.М., Казанцев А.А. 2007. Сетевая динамика глобализации и типология “глобальных ворот”. – Полис, № 2.

Эйзенштадт Ш. 1999. Революция и преобразование сообществ. М.

Ясин Е., Григорьев Л., Кузнецов О., Данилов Ю., Косыгина А. 2006. Инвестиционный климат РФ. М.

Sergeyev V.M. 1998. The Wild East. N.Y.

Приложение

Таблица 1

Пассажиропоток аэропортов Московского аэродромного узла

в сравнении с крупнейшими аэропортами Европы

Аэропорты Европы	Пассажиропоток в 2004 г. Млн.чел
Amsterdam Airport Schiphol	42,5
Barcelona Airport	24,6
Brussels Airport	15,6
Copenhagen Airport	19,0
Dublin Airport	18,1
Dusseldorf International Airport	15,3
Frankfurt Airport	51,1
London Gatwick Airport	31,4
London Heathrow Airport	67,0
London Stansted Airport	20,9
Madrid Barajas Airport	38,5
Manchester Airport	21,6
Milan Malpensa Airport	18,4
Munich Airport	26,8
Oslo Airport	14,9
Palma de Mallorca Airport	20,4
Roissy-Charles de Gaulle Airport	51,0
Rome Fiumicino Leonardo da Vinci Airport	30,7
Stockholm Arlanda Airport	16,3
Vienna International Airport	14,8
Zurich Airport	17,3

Московский аэродромный узел:	27,2
Шереметьево (Sheremetyevo)	12,9
Домодедово (Domodedovo)	11,8
Внуково (Vnukovo)	2,5

Таблица 2

Города – лидеры Европы по критерию сетевой и банковской (финансовой) активности

Глобальная сетевая активность		Банковская/финансовая активность	
Город	Индекс	Город	Индекс
Лондон	1.00	Лондон	1.00
Париж	0.70	Париж	0.79
Милан	0.60	Франкфурт	0.70
Мадрид	0.59	Мадрид	0.69
Амстердам	0.59	Милан	0.63
Франкфурт	0.57	Брюссель	0.59
Брюссель	0.56	Стамбул	0.55
Цюрих	0.48	Амстердам	0.54
Стокгольм	0.44	Варшава	0.53
Прага	0.43	Дюссельдорф	0.51
Дублин	0.43	Москва	0.50
Барселона	0.43	Люксембург	0.49
Москва	0.42	Дублин	0.48
Стамбул	0.42	Цюрих	0.46
Вена	0.42	Афины	0.46
Варшава	0.42	Берлин	0.45
Лиссабон	0.41	Прага	0.44
Копенгаген	0.41	Гамбург	0.41
Будапешт	0.41	Будапешт	0.41
Гамбург	0.39	Мюнхен	0.40
Мюнхен	0.39	Женева	0.40
Дюссельдорф	0.39	Барселона	0.35
Берлин	0.36	Рим	0.31
Рим	0.36	Лиссабон	0.30
Афины	0.36	Штутгарт	0.28
Люксембург	0.32	Стокгольм	0.26
Осло	0.32	Кельн	0.26
Женева	0.31	Киев	0.24
Хельсинки	0.29	Бухарест	0.23
Штутгарт	0.27	Вена	0.23

Таблица 3

Ведущие европейские биржи в 2001 г.

Место	Биржа	Общий оборот, млрд. USD	Капитализация,
			Млрд. USD
1	London	4 550,5	2 149,5
2	Euronext	3 179, 8	1 843,5
3	Italy	1 558,9	527,4
4	Deutsche Borse	1 439,9	1 071,7
5	Madrid	842,2	468,2
6	Stockholm	386,7	236,5
7	Barcelona	366,7	---
8	SWX Swiss Exchange	327,0	527,4
9	Virt-x	264,6	---
10	Bilbao	240,4	---
11	Helsinki	181,6	190,5
12	Istanbul	78,3	47,1
13	Copenhagen	72,4	85,1
14	Oslo	62,4	69,5
15	Valencia	41,1	---
16	Athens	37,7	84,8
17	ММВБ + РТС	28,4	80,0
18	Lisbon	27,6	46,3
19	Irish	22,7	75,3

Таблица 4

Рейтинг крупнейших исследовательских центров мира (по индексу цитирования)

1996 – 1998		2002 – 2004	
Ранг	Центр	Ранг	Центр
1	Лондон	1	Токио – Йокогама
2	Токио – Йокогама	2	Лондон
3	Сан-Франциско	3	Сан-Франциско
4	Париж	4	Осака – Кобе
5	Осака – Кобе	5	Париж
6	Москва	6	Нью-Йорк
7	Бостон	7	Бостон
8	Нью-Йорк	8	Лос-Анджелес
9	Амстердам – Гаага – Роттердам – Утрехт	9	Амстердам – Гаага – Роттердам – Утрехт
10	Лос-Анджелес	10	Пекин
11	Филадельфия	11	Москва
12	Берлин	12	Сеул
13	Чикаго	13	Филадельфия
14	Копенгаген – Люнд	14	Балтимор
15	Балтимор	15	Копенгаген – Люнд
16	Сан-Диего – Ла Хойа	16	Берлин
17	Стокгольм – Уппсала	17	Чикаго
18	Хьюстон	18	Хьюстон

19	Вашингтон	19	Сан-Диего – Ла Хойа
20	Эдинбург – Глазго	20	Стокгольм – Уппсала

Таблица 5

Рейтинг 10 европейских городов по критериям “командной” и “сетевой” силы (2002 г.)

«Командная сила»		«Сетевая сила»	
Мировой ранг	Доминирующий город	Мировой ранг	«Город-ворота»
2	Лондон	2	Москва
6	Амстердам	3	Цюрих
7	Франкфурт	7	Прага
8	Цюрих	9	Брюссель
10	Брюссель	12	Дублин
11	Париж	14	Милан
13	Мюнхен	23	Варшава
14	Лион	24	Барселона
15	Дюссельдорф	25	Мадрид
18	Стокгольм	26	Лиссабон

[1] Первое летописное упоминание о Москве относится к 1147 г.

[2] Напомним, что главное отличие “квазиворот” от “ворот” в собственном смысле заключается в том, что они возникают благодаря притяжению друг к другу сетей власти и сетей доверия и являются центром транзакционной экономики не для мира в целом, а преимущественно для региона, политически контролируемого сконцентрированными в них сетями власти. Подробнее о “глобальных воротах” “квазиворотах” см. Сергеев, Казанцев 2007.

Сергеев В.М. Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей / В.М. Сергеев, А.С. Кузьмин, Е.С. Алексеенкова, А.А. Казанцев // ПОЛИС (Политические исследования). 2007. №3. Сс.31-43.